

Это «до следующей встречи» растянулось на целый месяц — до того самого дня, когда они переезжали в новый дом.

Несколько лет назад на границы галактики Чаочжоу напали неопознанные существа, а соседние галактики, пользуясь моментом, исподтишка творили беспредел и грабили, что плохо лежало. Оба отца Си Бай Цю — один был маршалом, командовавшим войсками, а другой тюремным надзирателем, отвечавшим за разведку и допросы, обладали выдающимися способностями. Проведя на передовой шесть лет, они наконец вернулись с триумфом.

Тот самый роскошный дворцовый банкет месяц назад проводился именно в честь возвращения Си Юаня и Юнь Шуюэ, чтобы отметить их заслуги и наградить.

А сам Си Бай Цю, можно сказать, родился на борту космического корабля и вырос под грохот разрывавшихся снарядов.

Возможно, дело было в условиях, в которых он рос, а может, в какой-то генетической наследственности от обоих отцов, но ребенок рос совершенно бесстрашным. Несмотря на юный возраст, он отличался невероятной самостоятельностью и больше всего на свете любил развлекать себя сам.

Пока родители были заняты обустройством нового дома, трехлетка, перебирая короткими ножками, бродил вокруг, а его внутренний мир был полон бесконечной жажды приключений.

Место, где находился новый дом, было очень красивым: повсюду зеленели сочные растения и цвели яркие цветы, а вымощенные камнем дорожки в старинном стиле вились змеей.

— Бум!

Чья-то фигура отлетела и врезалась в черный металлический забор. Бай Цю, который как раз проходил мимо, от испуга подпрыгнул, словно кролик.

— Я сколько раз говорил: не входи без моего разрешения.

— Да ладно тебе! Я же твой кузен! Что такого в том, что брат зашел к брату, тем более через парадный вход?! Зайду и все! Зайду!

Бай Цю, сгорая от любопытства, встал на цыпочки и уцепился за прутья железной ограды, прислушиваясь к визгам какого-то человека.

Внутри, перед входом в трехэтажную ретро-виллу, неподвижно стоял юноша с прямой, как струна, осанкой. Глядя на то, как этот толстокожий тип нагло отряхивает зад и поднимается на ноги, он холодно бросил одно слово:

— Проваливай.

— У тебя в таком возрасте уже такое сильное чувство территории, совсем не мило... — юноша, который был на два года старше Цзин Яна, ероша свои растрепанные черные волосы, скривил губы. — То ли дело Сиюй, вот он милый. Ладно, ухожу — а?

Бай Цю, тайком наблюдавший за происходящим, внезапно поймал на себе взгляд Цзин Юйфэна. В следующее мгновение тот через прутья забора быстро ущипнул малыша за пухлую детскую щечку.

— Ого! Такая мягкая! Кажется, даже мягче, чем у Сиюя! — Цзин Юйфэн внезапно пришел в восторг, радостно обнажив маленькие клыки, и снова потянулся к Бай Цю своими «когтистыми лапами».

Бай Цю отступил на шаг, затопал ножками к главным воротам и, склонив голову, с опаской уставился на незнакомца.

— Эй! Еще и убежать вздумал! — Цзин Юйфэн был очарован до глубины души и уже потирал руки, намереваясь перелезть через забор и как следует потискать малыша.

Бай Цю долго не раздумывал. В тот самый момент, когда Цзин Юйфэн бросился на него, как голодный тигр, малыш спрятался прямо за спину Цзин Яна и сунул свою крошечную ладошку в руку юноши.

Цзин Ян почувствовал, как в его ладонь внезапно что-то вложили. Он машинально сжал руку — мягкое.

Затем юноша боковым зрением заметил черную тень. Не задумываясь, он поднял ногу и, удар!

— Бум!

Цзин Юйфэн: «...»

Склонив голову, на которой теперь красовалась пара травинок, Цзин Юйфэн начал осыпать всех проклятиями:

— Хорошо, что я дифференцировался в Альфу, кожа толстая, выдержу! А был бы Бетой — так и инвалидом стать недолго! Засужу тебя за все последствия!!

Цзин Ян тихо усмехнулся, взял Си Бай Цю за руку, развернулся, вошел в дом и запер дверь на засов.

Цзин Юйфэн: «...Черт!»

Цзин Юйфэн: «...Нет, погоди! Как ты можешь вот так просто утащить чужого ребенка домой?! Это же от трех лет заключения до смертной казни! Даже если твой старик — Император, нельзя же так наглеть, Цзин Ян, открой дверь! Если не откроешь, я вызову полицию!!»

В гостиной Цзин Ян через систему связи в очках спокойным тоном отдал приказ дворецкому Хань Шу:

— Дядюшка Хань, убери его отсюда.

Хань Шу:

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Завершив вызов, Цзин Ян подхватил Бай Цю под мышки и усадил на диван. Опустив взгляд, он спросил:

— Помнишь меня?

— Угу-у, это же брат Сяо Ян, с которым мы в прошлый раз не успели попрощаться! — Бай Цю болтал короткими ножками и улыбался, светясь от счастья.

Цзин Ян с улыбкой сел рядом и снова спросил:

— Где твои отцы?

— Папы обустроивают новый дом, а я играл неподалеку, — послушно ответил Си Бай Цю. — Брат тоже здесь живет?

Цзин Ян ответил:

— Да.

— О, это же замечательно! Можно я буду приходить играть к тебе, брат?

— М-м. Как раз начались летние каникулы, можешь приходить в любое время, — ласково ответил Цзин Ян.

— Угу-у! — радостно отозвался Бай Цю.

— Кстати, сколько тебе лет? — юноша заметил, что Бай Цю не сводит глаз с фруктовой тарелки на журнальном столике, и, взяв румяный плод, принялся очищать его от кожуры.

— Шесть ау.

Хоть ему и было шесть, выглядел малыш лет на три: низенький, пухленький, особенно похожий на мягкий, аппетитный рисовый колобок.

Цзин Ян быстро очистил фрукт, нарезал его на дольки и, подцепив кусочек на серебряную вилку, протянул малышу.

Бай Цю не стал стесняться. «Ам!» — откусил он, наслаждаясь сочным, хрустящим и сладким плодом. Жуя, он пробормотал с набитым ртом:

— ...Спасибо, брат.

Цзин Ян смотрел на макушку малыша, на его вихор, и, погладив мягкие черные волосы, подумал: «Почему этот ребенок совсем не умеет защищаться от чужаков?»

— А ты знаешь? — нежным, вкрадчивым голосом заговорил Цзин Ян. — Некоторые дети твоего возраста, хромя и в лохмотьях, ходят по улицам, прося милостыню или воруя. А если за день они ничего не добыли, то дома их не только оставляют без ужина, но и жестоко избивают взрослые.

Глаза Бай Цю широко распахнулись, и он звонким, по-детски непосредственным голосом воскликнул:

— Нужно вызвать полицию! Позвать дяденьку-полицейского!

— Но у детей нет при себе никаких электронных устройств, они не могут попросить помощи, потому что за ними тайно следят другие взрослые, да и дети следят друг за другом. Если кто-то пытается сделать что-то «не то», доносчик получает награду, а того, кого разоблачили, бьют еще сильнее.

— ...А? Но как же так? Зачем взрослым бить детей? Разве дети — не самое ценное сокровище для взрослых? — обеспокоенно спросил Бай Цю.

— А вот и нет, — юноша подцепил вилкой еще кусочек и протянул его Бай Цю, который слушал, затаив дыхание. С улыбкой он продолжил: — Эти дети попадают туда из самых разных мест.

— До того как оказаться там, они могли просто играть на обочине или плескаться в воде. И тогда к ним подходили добрые и красивые старшие брат или сестра, угощали их чем-то вкусным, например, печеньем, карамелью или... вот такими фруктами.

Цзин Ян слегка приподнял уголки губ, вонзил острую серебряную вилку в мякоть фрукта и, покачивая ею перед глазами Бай Цю, добавил:

— Они говорили, что это подарок от папы и мамы для прекрасного малыша. Дети с радостью съедали угощение, а потом чувствовали, что им очень хочется спать. Глаза закрывались, и они не могли удержаться, засыпали.

— А когда просыпались, оказывались в совершенно незнакомом месте. Там не было кроватей, не было окон, только закрытые двери и влажный, грязный пол.

— Потом приходили взрослые. Они ломали ребенку ногу, прямо по-живому. И как бы тот ни плакал и ни кричал, никакой помощи ему не оказывали. Раз в день давали лишь порцию прокисшей еды, только чтобы не умер.

— И так день за днем...

— Со временем нога ребенка окончательно отмирала, и даже мысль о побеге становилась несбыточной мечтой.

Юноша продолжал улыбаться, но его взгляд был холодным и полным отвращения, а мягкий, вкрадчивый тон звучал так, будто он рассказывал прекрасную сказку на ночь.

Бай Цю был напуган.

Малыш в коричневых комбинезоне с подтяжками посмотрел на сладкий кусочек фрукта, который держал Цзин Ян, затем на прекрасное лицо самого юноши. В его детской голове что-то щелкнуло. Он сглотнул, и его пухлая ручка тайком потянулась к кнопке вызова полиции на его детском гаджете, но нажать он не решился, колеблясь и не зная, как поступить.

— М? Почему не ешь? — Цзин Ян с невозмутимым видом легонько ткнул кусочком фрукта в плотно сжатые губки Бай Цю, притворяясь, что не заметил попытки малыша вызвать полицию.

— Ешь. А как съешь, ложись спать, а когда проснешься, брат отведет тебя в такое веселое место. — Эти слова Цзин Яна прозвучали словно шепот дьявола.

Психика Бай Цю не выдержала. В голове малыша пронеслись тысячи кошмарных картин его похищения, и он расплакался в голос. Однако до самого конца палец так и не нажал на кнопку экстренного вызова.

— У-у-у... не надо, не хочу... Я не хочу в чужое место... Не... не хочу, чтобы мне ломали ногу...

Кончик носа Бай Цю покраснел, слезы катились градом, как бусинки с порванной нити. Он плакал так горько, что выглядел одновременно и жалко, и невероятно трогательно.

— И еще... я больше всего на свете... не хочу, чтобы ты перестал быть моим братом Сяо Яном,

у-у-у... — всхлипывая, малыш бросился в объятия юноши и крепко-крепко обхватил его шею своими пухлыми, как у младенца, ручками.

<http://bllate.org/book/17726/1657157>